

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635

СВОБОДА В ХОРЕ», ИЛИ ИЗ ДВУХ ЗОЛ...*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И.,
Марченя П.П. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ. М.: ИПЛ, 2017. 192 с.**

В последние три десятилетия в отечественной общественной науке набрало силу стремление представить историю России в XX веке как часть глобальной истории человечества, устремленной в своем развитии к идеалам англо-саксонской демократии. Считается, что прежний методологический подход с позиций научного коммунизма дискредитирован самой жизнью и должен быть заменен теоретической моделью рыночного либерализма (нечто вроде «научного антикоммунизма»). Но это есть выбор «из двух зол», причем последнее — отнюдь не меньшее. Сам К. Маркс на позднем этапе своего творчества рекомендовал русским коллегам обратиться к изучению крестьянской общины в поисках цивилизационного кода истории своей страны, полагая, что описывать ее реалии в категориях капитализма и рынка нецелесообразно. Авторы монографии «Цивилизационный суверенитет России» показывают, как много в свое время было сделано в этом направлении К.С. Аксаковым, А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, насколько интересна переключка их идей с содержанием работ современных исследователей российской цивилизации. Я не возьмусь предугадать, устоит ли в нашей гуманитарной науке словосочетание «цивилизационный суверенитет России» и, если да, то насколько скоро и это произойдет. Но, прочитав монографию с таким названием, вполне готов признать: чтение полезное и более чем своевременное. Авторство работы принадлежит квартету из представителей разных отраслей отечественного обществоведения, включая филолога, а ведь лингвистика — «самая точная из гуманитарных наук и самая гуманитарная из точных» [5. С. 49]. Да и авторитетность истории и социальной философии при рассмотрении подобных проблем никто не отменял, хотя здесь, конечно, споры идут довольно жаркие. Мне бы очень хотелось, чтобы и словосочетание, и стоящее за ним смысловое содержание поскорее вошли в круг наиболее актуальных междисциплинарных исследований. Надеюсь, некоторые мои размышления о книге будут этому способствовать.

Свобода не только в хоре, но и в дуэте, квартете и т.д. определяется гармоничностью звучания, когда партия каждого из исполнителей не мешает, но помогает донести до слушателя (в данном случае — до читателя) общий замысел и смысл произведения. С этой точки зрения доминантой представляется первая глава книги — «Россия как мир: поиск цивилизационных оснований» авторства А.Л. Золкина (с. 5—66). Текст главы можно представить как подробный и нетри-

* © Бабашкин В.В., 2017.

виальный ответ на вопрос: что есть патриотизм в современной России? «Патриотизм — это ...духовно организованная деятельность любящей свою Родину личности, а также понимающей, что такое его Родина» (с. 62). Выглядит, как аксиома, вполне устраивающая и условного Н.К. Сванидзе, и условного С.Е. Кургиняна, а ведь где-то между ними еще и условный В.В. Жириновский. Все упирается в то, сходным ли образом понимают они, что такое их родина, созвучны ли их историко-философские представления по узловым проблемам прошлого и настоящего России. И дело не только в том, чьи убеждения вызывают согласие большинства зрителей тех телешоу, в которых регулярно и очень эмоционально участвуют эти общественно-политические деятели. Значительно важнее, что написано об этом в учебниках истории.

Диагноз А.Л. Золкина суров: в российской образовательной системе предпринимается попытка изменения «цивилизационного кода» в изучении прошлого страны, поэтому богатые традиции образования дискредитируются, предаются умолчанию и забвению. «Следует вернуться к российскому цивилизационному коду в сфере образования, к „духовному суверенитету в сфере культуры“. Прежде и русском марксизме, и в русском либерализме наличное состояние общества и культуры трансцендировали с помощью идеала (коммунистического или либерального). В результате мы располагаем очень странной философией, которая делает нас чужими самим себе» (с. 63). Действительно, когда в начале 1980-х годов идеал научного коммунизма окончательно разбился о наличное состояние общества, мы отправились искать утерянную перспективу в либерализм и советологию. Известный английский специалист по русской цивилизации Т. Шанин любопытно объясняет, почему многие теоретики партийной истории и научного коммунизма столь охотно и непротиворечиво стали разоблачать «сталинизм» и исповедовать антикоммунизм [8. С. 16—18]. Но нас интересует не причина, а следствие этой деятельности: в наших учебниках обществоведения Х. Арендт и Ф. Фукуяма пришли на смену К. Марксу и В. Ленину (Сталин был изъят еще в «оттепель»). Даже само слово «обществоведение» как название учебной дисциплины было заменено на «обществознание» — очевидно, чтобы не путать прежнюю «плохую» науку об обществе с нынешней «хорошей».

Коллеги, кому знакомо содержание многочисленных пособий по натаскиванию десяти-одиннадцатиклассников к ЕГЭ по обществознанию, имеют представление, как в этих изданиях трактуются такие штампы, как «командная экономика», «тоталитарный режим», «демократия», «правовое государство» и т.д. В этих трактовках отчетливо прочитывается: «СССР — империя зла»; и это — все что угодно, только не обществоведение. Можно в этой связи увлеченно спорить, что лучше — коммунизм или антикоммунизм (что бесконечно продолжается в публицистике), но не пора ли вспомнить народную поговорку, которая подсказывает нам, какое из двух зол следует выбрать [1; 2]. А.Л. Золкин предлагает вообще не выбирать, так как оба — вариации на вечную тему общественного прогресса и его авангарда.

Вспоминаю ту растерянность и недоумение, что воцарились среди школьных учителей истории и обществоведения в начале 1990-х годов: что преподавать, с каких теоретических позиций? «Сверху» поступали установки, что формацион-

ный подход более не актуален, в гуманитарных кругах возникали смутные представления о подходе цивилизационном, крутились имена Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева. Но тогда создание соответствующего поколения школьных учебников по общественной науке казалось утопией — было ощущение, что Россия пришла к краху эволюции на собственной цивилизационной основе. Самопознание российского общества пошло по пути наименьшего интеллектуального сопротивления: коммунизм умер — да здравствует антикоммунизм! К счастью, это неприятное явление оказалось временным, инерционным: смерть коммунизма оказалась, естественно, и смертью антикоммунизма — просто слишком многие какое-то время отказывались это понимать.

Так куда же нам теперь? Вместе с Западом в постмодерн или вернуться к себе? Ответ в тексте А.Л. Золкина прочитывается вполне решительный: «Личность, обладающая способностью суждения в вопросах социальной, в том числе и цивилизационной, идентичности может рассматриваться как перспектива и цель образовательной политики» (с. 58). Добавлю оптимизма в эту формулировку, поскольку слова «перспектива», «цель» как бы относят такую личность в будущее, тогда как она уже и настоящее. Ведь мучительные размышления о собственной идентичности — неотъемлемое качество личности, а рассуждать об этом в категориях капитализма и рынка как будущего всего человечества сегодня уже вряд ли возможно. Даже отстаивание ценностей современного либерализма и их жесткая критика (к поддержке которой сегодня, согласно опросам, склоняется большинство наших соотечественников) — это уже спор в категориях цивилизационной идентичности.

Одна из сторон этого спора найдет для себя в первой главе монографии немало интересного материала. Так, обобщая некоторые размышления Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби и С. Хантингтона, автор приводит такое определение цивилизации: «Это не государство, не политический режим, не класс, не сеть, не сообщество, не группа индивидуумов и не отдельные индивидуумы. Цивилизация — коллективная общность, объединенная причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности». По его словам, тут «приходится применять довольно смутный критерий: каждый сам знает, к какой цивилизации он принадлежит» (с. 12), но, по-моему, отличный критерий, потому что такой «каждый» — это личность, способная к суждениям в категориях цивилизационной идентичности.

Важным достоинством текста является изложение сложных вещей доступно и методично, но без вульгаризации. Красной нитью в главе проходит мысль: Россия — не просто не Запад, но едва ли не противоположное цивилизационное явление (с. 56—58). В подтверждение, помимо размышлений автора, приводится настолько удачная подборка выдержек из работ российских социальных мыслителей с начала XIX века до наших дней, что в этой части монографию можно считать неплохим учебным пособием для воспитания патриота России, каковым А.Л. Зол-

кин считает человека, имеющего внутреннюю потребность к размышлению о стране в цивилизационных категориях.

Хорошую пищу для ума в этом плане дает хрестоматийное сравнение К.С. Аксакова, в котором свобода общинного крестьянина уподобляется свободе хорового певца (с. 22). Тут обозначено принципиально разное ощущение свободы/несвободы людьми, принадлежащими разным цивилизациям. Свобода как воля — такое и на английский сложно перевести, недаром К. Маркс на просьбу В.И. Засулич подсказать русским революционерам, как потолковее подогнать его социальные теории к российским реалиям, посоветовал изучать общину [10. С. 97—126]. Чтобы помочь студентам научиться самостоятельно разбираться в том, что отражено в поговорке «Что русскому хорошо, то немцу смерть», я рассказываю им историю о первом контакте А.Н. Энгельгардта с общинным сходом. Бывший барин прибыл из Петербурга в родовое имение в Смоленской губернии и хотел сразу же привести в порядок свои отношения с жителями соседних деревень. Когда он на сходе предложил мужикам 30 рублей серебром за работу, едва стоившую и половину, странная реакция крестьян оставила его в полном недоумении. Потом его добровольный помощник Степан объяснил: нельзя, мол, здесь так — «по-петербургски» да «по-немецки» (т.е. за деньги), а нужно по-нашему — «из чести»... [9. С. 97—102].

В советской историографии общинная проблематика была негласно табуирована, в нынешних исследованиях она тоже пока остается за рамками «мейнстрима», поскольку это и есть тот самый цивилизационный подход, который заставляет привычный формационный, прогрессистский потесниться. В главе о поиске цивилизационных оснований для России интересно организована переключка между «Запиской о древней и новой России» Карамзина, основными идеями Аксакова, Хомякова, Киреевского и работами современных историков, политологов и правоведов. Становится даже совестно за тот снисходительный тон, в котором нам когда-то рассказывали, как далеки были славянофилы от «марксистского» понимания сути вещей. Но невозможно не порадоваться, насколько прочный фундамент был заложен мыслителями прошлого для сегодняшних немарксистских исследователей. Примером творчества последних может служить известная работа А.Г. Дугина «Четвертая политическая теория» [Дугин 2009], опираясь на которую А.Л. Золкин объясняет содержание понятия «цивилизационный суверенитет России». Классическая Вестфальская система предполагала юридический, формальный суверенитет национальных государств, недавний двухполярный мир от этого ушел, а нынешний многополярный — и подавно. «Следовательно, ...идея государственного суверенитета в том виде, в котором она существует, представляется на сегодняшний день юридической фикцией. ...Но переход от цивилизации как культурной и социологической данности к цивилизации как актору многополярного мира требует усилия. В этом плане идея цивилизационного суверенитета ...является пока философской метафорой» (с. 33). Иными словами, цивилизационный суверенитет государства находит свое воплощение в таких действиях, целесообразность и самостоятельность (суверенность) которых основываются на осознании себя как особой цивилизации.

Столь сильная подача основной темы монографии обязывает к тому, чтобы разработка оказалась не менее энергичной. Автор второй главы историк П.П. Марченя из ряда возможных вариантов продолжения темы выбрал такой: «Россия как Империя и Смута как расстройство ее цивилизационной идентичности». Конечно, «империя» — «это сильное и опасное слово», как сам Марченя признает, ссылаясь на такого международного авторитета в области «империоведения» (“Imperial Studies”), как Д. Ливен (с. 93). Опасность здесь, кроме прочего, в том, что современным российским обществом это слово может быть отвергнуто. В главе убедительно показано, насколько охотно и активно наши и зарубежные обществоведы пользуются этим понятием как аналитическим инструментом в попытках разобраться, что происходит с современной Россией, в какой фазе своей эволюции находится страна. Почти пять страниц текста составили только названия книг и статей, опубликованных в самое последнее время, в которых фигурирует это слово. Причем слово, видимо, до того сильное, что заголовки работ предельно выразительны, почти не нуждаются в комментариях, являясь чем-то вроде микро-рецензий на озаглавленные ими тексты (с. 79—84).

Вместе с впечатляющей картиной всплеска отечественной «империологии» дается разбор наиболее интересных работ, и нельзя не признать, что некоторые постановки вопроса глубоки и конструктивны. К примеру, автор выделяет из всего изобилия аналитических публикаций как минимум двенадцать, а как максимум порядка двадцати существенных (системных) признаков того масштабного историко-цивилизационного явления, которое можно обозначить словом «империя». Цитирует он и некоторые попытки дать ей общее определение. Собственная попытка П.П. Марченя сводится к следующему: «Империя не есть всего лишь масштабное многонациональное государство с обширными государственными интересами, у которого хватает воли, сил и средств вести „империалистическую“ политику, вовлекая в свою орбиту все новые народы. Империя не есть и просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства и правления. Империя — это государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как Миссию, находящуюся превыше локальных („всего лишь государственных“) интересов» (с. 103).

И все же вряд ли получится «сиять заставить заново» это опасное слово — слишком уж одиозное звучание в свое время ему придала советская общественная наука и политическая пропаганда. В ассоциативном ряду маячит что-то вроде «тюрьмы народов» или «жандарма Европы», а если вспомнить работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», которую на исторических факультетах советских вузов предлагалось местами заучивать наизусть, возникает просто переизбыток негатива. Не отрицаю, некоторые из вышеупомянутых системных признаков империи помогают лучше понять, почему распался Советский Союз, по которому сегодня ностальгирует русский мир. Но сомневаюсь, что слово «империя» сослужит хорошую службу в том объективном развитии событий, контуры которого обозначены сегодня набирающими силу центроостремительными тенденциями.

Однако автор, похоже, так не считает. Резонно указывая на то обстоятельство, что русский народ без поисков некоей идеи существовать не может, он высказывает предположение, что эти поиски есть «попытки нащупать временно утраченную имперскую „почву“, лишь опираясь на которую Россия сможет сохранить собственный цивилизационный суверенитет и осмысленно продолжить свою историю» (с. 105). Вероятнее всего, так оно и будет, но насколько при этом в научной полемике и политической пропаганде будет востребовано само слово «империя», пока неясно. Российская история, по большому счету, явила человечеству некий симфонизм межэтнических, межнациональных отношений, который остается основой мощной потенциальной энергии, которая все чаще прорывается в кинетическую, вызывая обоснованные опасения у других стран. Так стоит ли тогда использовать трескучее неприятное слово, каким обществоведы привычно обозначают и Римскую империю, и Британскую и т.п.

П.П. Марченя в свое время опубликовал работу «Крестьянин и Империя: есть ли смысл у „русского бунта“?», где показал принципиальную несхожесть российской цивилизации и условной западной. Приведу две цитаты: «...Для русского крестьянина „своим“ является Обычай, а Закон всегда был „чужим“, и символом земного порядка выступал Царь, а не Конституция. Если западный человек законопослушен, то русский крестьянин — властепослушен, но послушен лишь до тех пор, пока власть права и сильна. Крестьянство жило относительно замкнутыми от внешнего мира общинами (своими „мирами“), организованными по принципу безусловного подчинения большинству (общинный коллективизм органически несовместим с либеральным индивидуализмом). Если власть ослабевала и допускала смуту, то „миры“ выступали уже готовыми „боевыми единицами“ („партизанскими отрядами“, „ополченскими дружинами“, „повстанческими формированиями“...) крестьянства в борьбе с „чужими“ за свою „Землю“ и свою „Правду“. А „Свобода“ понималась крестьянами как прежде всего Богом данная (внутренне присущая) „Воля“, т.е. свобода от всяческих ограничений извне (но никак не либералистская „осознанная необходимость“ действовать в рамках позитивного закона). Причем если для либерализма непреходящей ценностью являлась (и является) частная собственность, в том числе и на землю, то для крестьян было чуждо юридическое понятие частной собственности и совершенно неприемлема собственность на землю» [6. С. 91].

«Либерализм как идеология „среднего класса“, „умеренности“ и „золотой середины“ относительно благополучного в материальном смысле западного общества не мог вдохновить склонного к крайностям русского мужика, объединяющего в себе все противоречия далекой от размеренности и сытости русской жизни» [6. С. 91]. Как говаривали в Древнем Риме, куда уходят корнями столь непохожие на Россию империи Запада, „sapienti sat“ („умеющему думать достаточно“): если вдуматься в эти утверждения автора «Крестьянина и Империи», и революция-то русская, столетие которой мы отмечаем в этом году, имеет очень мало общего с тем, что западные историки обозначают словом „революция“ в истории своих стран. Хочется, конечно, авторам единого учебника истории для школ современной России вписать „Великую российскую революцию 1917 года“ в контекст

истории глобального человечества [7]. Но думается, что все же ближе к исторической реальности те, кто описывают ее не в категориях общественно-экономических формаций и их революционной смены, а в диалектической логике эволюции цивилизаций [4].

Лаконично и мощно написана третья глава «Архетипы массовой культуры и манипуляции массовым сознанием в контексте проблем цивилизационного суверенитета России». Здесь можно удостовериться, сколь убедительно звучит дуэт философа и лингвиста, и отметить, насколько жестко и бескомпромиссно язык фиксирует некоторые проблемы цивилизационного противостояния. С.Р. Аблеев и С.И. Кузьминская запечатлели в конкретных примерах такие приемы манипулирования массовым сознанием, как демонизация и криминализация образа оппонента, а также создание политической мифологии и продвижение ее незамысловатых догматов посредством «исторических прецедентных феноменов». Последние составляют мощный манипулятивный инструмент в руках не знающих финансовых трудностей западных (и прозападных) медиа. «Нам пытаются внушить, что англосаксонская демократия есть заоблачный идеал, к которому должно стремиться все население Земли, включая, видимо, и пингвинов в Антарктиде. Если в религиозной мифологии наиболее негативной характеристикой субъекта являлось отождествление его с дьяволом, то для апологета западного либерализма такой характеристикой является обвинение своего оппонента в отказе от англосаксонских шаблонов демократии» (с. 149—150).

В заключении авторы, как бы извиняясь за небольшой объем монографии, сообщают, что это лишь первая книга в серии о междисциплинарном осмыслении заявленной проблемы. Можно только пожелать, чтобы последующие издания были не менее информативны и читабельны, т.е. наполнены сильными словами при общем правильном направлении исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // *Россия и революция: прошлое, настоящее и будущее системных кризисов русской истории* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012.
- [2] *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* Особенности аграрного реформирования 30—50-х годов // *Историческая психология и социология истории*. 2016. № 2.
- [3] *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
- [4] *Кондрашин В.В.* Крестьянская революция в России 1902—1922 гг.: научный проект и научная концепция // *Аграрная история XX века: историография и источники*. Самара: Самарский университет, 2014. С. 341—347.
- [5] *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007.
- [6] *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // *История в подробностях*. 2010. № 6.
- [7] *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2.
- [8] *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 — 1917—1922 гг. М.: Весь мир, 1997.
- [9] *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1872—1887. М.: Мысль, 1987.
- [10] *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. Marx and the “Peripheries of Capitalism”. N.Y.: Monthly Review Press, 1983.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635

“FREEDOM IN THE CHOIR”, OR FROM TWO EVILS...

REVIEW OF THE BOOK: Ableev S.R., Zolkin A.L., Kuzminskaja S.I., Marchenya P.P. *TSYVILIZATSYONNYI SUVERENITET ROSSII: PROBLEMY I DISKUSSI* [CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: CHALLENGES AND DEBATES]. Moscow: IPL; 2017. 192 p.

REFERENCES

- [1] Babashkin V. *Dva bol'shevizma, ili mesto oktyabrya v russkoi revolyutsyi* [Two bolshevisms, or the place of the October in the Russian Revolution]. *Rossija i revolyutsija: proshloe, nastojashchee i budushchee sistemnyh krizisov russkoi istorii*. Ed. by P. Marchenya, S. Razin. Moscow: OOO “APR”; 2012 (In Russ.).
- [2] Babashkin V., Tolstov S. Osobennosti agrarnogo reformirovanija 30—50-h [Features of the agrarian reforms of the 30—50s]. *Historical Psychology and Sociology of History*. 2016; 2 (In Russ.)
- [3] Dugin A. *Chetviortaja politicheskaja teorija* [Fourth Political Theory]. Saint-Petersburg: Amphora; 2009 (In Russ.)
- [4] Kondrashin V. Krestjanskaja revolyutsija v Rossii 1902—1922 gg.: nauchnyi proekt i nauchnaja kontseptsija [Peasant revolution in Russia: Scientific project and concept]. *Agrarnaja istorija XX veka: istoriografija i istochniki*. Samara: Samarsky Universitet; 2014 (In Russ.).
- [5] Krongauz M. *Russkij jazyk na grani nervrogo sryva* [Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow: Yazyki slavianskih kul'tur; 2007 (In Russ.).
- [6] Marchenya P. Krestjanin i Imperija: est' li smysl u “russkogo bunta”? [Peasant and the Empire: Is there any sense in the “Russian rebellion”?]. *Istorija v podrobnostjah*. 2010; 6 (In Russ.)
- [7] Petrov Yu. Rossija nakanune Velikoi revolyutsyi 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsyi [Russia on the eve of the 1917 Great Revolution: Contemporary trends in historiography]. *Russian History*. 2017; 2 (In Russ.)
- [8] Shanin T. *Revoljutsija kak moment istiny. Rossija 1905—1907 — 1917—1922* [Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905—1907 — 1917—1922]. Moscow: Ves' mir; 1997 (In Russ.).
- [9] Engelgardt A. *Iz derevni. 12 pisem 1872—1887* [From the Village. 12 Letters 1872—1887]. Moscow: Mysl; 1987 (In Russ.).
- [10] Shanin T. *Late Marx and the Russian Road. Marx and the “Peripheries of Capitalism”*. New York: Monthly Review Press; 1983.